

УДК 94(100)"1915/1917"+341.341

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/10

ВОЕННОПЛЕННЫЕ РУСИНЫ В ЛЕБЕДИНСКОМ УЕЗДЕ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.В. Лобко

Сумский государственный университет
Украина, 40016, г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2

E-mail: Lobko@ukr.net

Авторское резюме

Первая мировая война – одна из трагических страниц истории человечества XX в. В настоящее время о событиях тех времен написано немало монографий и статей, защищено много диссертаций. Однако остаются вопросы и проблемы, требующие исследования. Среди них – нахождение военнопленных разных национальностей на территории Российской империи. К малоизученной можно отнести и тему пребывания русинов в военном плену. Объект данного исследования – военнопленные русины в Лебединском уезде Харьковской губернии в годы Первой мировой войны. Предмет исследования – положение пленных русинов, использование их в качестве рабочей силы в экономике уезда, основные условия их содержания и надзора за ними. Автор статьи ставит перед собой цель проанализировать пребывание военнопленных русинов на территории Украины на примере одного из уездов Харьковской губернии в 1915–1917 гг. Используя материалы Лебединской уездной земской управы Харьковской губернии, хранящиеся в Государственном архиве Сумской области, автор показывает роль труда военнопленных как важного экономического фактора при недостатке трудовых ресурсов в военное время. Изучение жизни военнопленных, в т. ч. и русинов, дает возможность сделать вывод, что сутью политики России в отношении военнопленных в годы Первой мировой войны было максимальное использование труда пленных при минимальных затратах на их содержание.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, русины, Российская империя, земства.

RUSIN PRISONERS OF WAR IN LEBEDYN DISTRICT OF KHARKIV PROVINCE DURING WORLD WAR I

N.V. Lobko

Sumy State University
2 Rymyskogo-Korsakova Street, Sumy, 40016, Ukraine
E-mail: Lobko@ukr.net

Abstract

The article dwells on the prisoners of war of different nationalities on the territory of Russian Empire during WWI, with special focus on the Rusins. The object of this study is Rusin war prisoners, used as labour force in Lebedyn District of Kharkiv Province during World War I, their living and working conditions and peculiarities of supervision. The author aims at analyzing the situation when Rusin prisoners of war were in Ukraine on the example of one districts in Kharkiv province in 1915–1917. Using materials from Lebedyn District Zemstvo Administration from the State Archive of Sumy Region, the author argues that the war prisoners' labour was an important economic factor under the shortage of work force in the wartime and concludes that the Russian policy towards prisoners of war during WWI implied their highest possible use as work force at the lowest cost of their maintenance.

Keywords: World War I, prisoners of war, Rusins, Russian Empire, zemstvo.

Первая мировая война – одна из трагических страниц истории человечества XX ст. В настоящее время о событиях тех времен написано немало монографий и статей, защищено множество диссертаций. Однако остаются вопросы и проблемы, требующие исследования. Среди них – пребывание военнопленных на территории Российской империи.

Первые публикации о военном плене появились в 20–30-х гг. XX в. (Жданов 1920: 279–299; Шнейдер 1935; Валхар 1936).

С начала 1990-х гг. исследование темы активизировалось. Следует отметить, что авторами большинства работ являются российские исследователи. Они, используя материалы региональных архивов, рассматривают различные аспекты пребывания военнопленных на территории российских губерний европейской части страны (Безруков 2001; Иконникова 2004; Талапин 2005; Крючков 2006; Гергилева

2007; Еремин 2007; Идрисова 2008; Ниманов 2009; Остроухов 2011; Суржикова 2012; Суржикова 2014; Дмитриева 2013; Васильева 2014; Ничков 2014).

Работ, посвященных военному плену на территории других земель, входивших в состав Российской империи, на данный момент мало. Так, белорусский исследователь А. Самович описывает трудовое использование иностранных военнопленных в 1914–1918 гг. на территории Белоруссии (Самович 2008; Самович 2013). Отрывочно проблема пребывания военнопленных на территории Украины рассмотрена в работах Р. Нахтигаль и В. Саранчи. Первый автор описал лагерь для австро-венгерских военнопленных в поселке Дарница, ныне в черте Киева (Нахтигаль 2010), второй – на территории Кременчугского гарнизона (Саранча 2011).

Недостаточно внимания уделяется и рассмотрению положения военнопленных разных национальностей. Наиболее полно освещен вопрос пребывания на территории Российской империи чешских и словацких военнопленных (Клеванский 1965; Остроухов 2011; Дмитриева 2013).

Условиям содержания и использования труда румынских военнопленных посвящена статья Н. Лобко, В. Гузун, В. Власенко (Lobko et al. 2017).

К малоизученной можно отнести и тему нахождения военнопленных русинов на территории Российской империи. Частично вопросы военного плена затронуты в работах С.Г. Суляка (Суляк 2006; Суляк 2016). Б.В. Колесников более детально описал содержание военнопленных русинов в 1916–1917 гг. в Камышинском казенном питомнике Камышинского уезда Саратовской губернии (Колесников 2018).

Автор данной статьи ставит перед собой цель проанализировать пребывание военнопленных русинов на территории Украины на примере одного из уездов Харьковской губернии в 1915–1917 гг. Основным источником при написании работы послужили документы Лебединской уездной земской управы из Государственного архива Сумской области (ГАСО 1).

Точное количество военнопленных русинов установить сложно, поскольку национальный состав австро-венгерской армии был довольно пестрый. Часто при регистрации военнопленных учитывались подданство, принадлежность к неприятельской армии и вероисповедание. К тому же, как отметил Р. Нахтигаль, деление массы австро-венгерских солдат на славян и неславян не всегда представлялось возможным, потому что венгерские словаки или румыны из венгерской части империи называли себя либо венграми, либо русинами, а поляки и словенцы – австрийцами (Нахтигаль 2014: 148).

В 1914–1915 гг. военнопленных размещали в российских губерниях европейской части страны, в 1916–1917 гг. – и на территории украинских губерний (Нахтігаль 2010; Саранча 2011).

В октябре 1914 г. император Николай II утвердил «Положение о военнопленных», которое базировалось на принципах Гаагской конвенции 1907 г. и определяло правовой статус военнопленных. В частности, отмечалось, что с военнопленными «как с законными защитниками своего отечества» надлежит обращаться человеколюбиво, а их основные имущественные и личные права не должны нарушаться.

В связи с мобилизацией населения в российскую армию уже в начале войны возникла острая нехватка рабочих рук. Поэтому Совет министров России принял решение об использовании труда военнопленных. В 1914–1915 гг. были разработаны и приняты документы, регулировавшие использование труда военнопленных в различных сферах хозяйственной деятельности. Это правила «Об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях», «Об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» и «О порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств».

Эти документы регламентировали применение труда пленных в сельском хозяйстве, на промышленных предприятиях тыловых губерний Российской империи, устанавливался порядок передачи пленных из военного ведомства другим ведомствам, предприятиям, определялись условия содержания военнопленных, их труд и порядок возврата военному ведомству.

Попавших в плен солдат и офицеров в зоне боевых действий отправляли на сборные пункты, где проводили их допрос, а затем через фронтовые распределительные и пересыльные станции (сортировочные пункты) их направляли во внутренние районы государства и размещали во временных и стационарных лагерях.

Так, в протоколе допроса от 5 мая 1916 г. по делу сбежавшего русина Петра Дывжека (Дивисевич) записаны показания другого военнопленного русина Дмитрия Конищака о том, как они попали в Лебединский уезд. В частности, в протоколе указано, что «военнопленный австрийской армии Дмитрий Конищак, 19 лет, русин, православный, грамотный, не судился: в Степную экономию графа А.В. Капниста прибыл 30 марта 1916 г. вместе с другими военнопленными, среди которых был и Петр Дывжевич, правильнее Дивисевич. Он происходит из одной деревни с Дивисевичем, которая называется Морецея, в Буковине, недалеко от города Сучава и Черновиц.

Они служили в разных полках и попали в плен одновременно, но только лишь встретились в Киеве, откуда были отправлены в Харьков, а потом на работы и таким образом прибыли в Степное. Дивисевич служил в 20 пехотном полку (ландвер), был он рядового звания, он попал в плен в сентябре месяце 1915 года под Почаевом» (ГАСО 1: 381 об.).

На каждого пленного заводили карточку с указанием фамилии, чина (звания), армии, национальности, мастерства (профессии). В материалах архива встречаются карточки с информацией о подданстве, вероисповедании, месте жительства, возрасте, дате рождения, номере воинской части, времени и месте пленения, наличии контузии, состоянии здоровья (ГАСО 5: 39–40в).

Эти карточки вклеивались в записную книжку военнопленного, которую «он должен постоянно хранить у себя и при получении денег, вещей и посылок предъявлять заведующему военнопленными для отметки в соответствующих графах количество выдаваемых денег и время выдачи». В нее также заносилась информация о полученных письмах и денежных переводах, заработанных деньгах, выданных «казенных вещах» и «собственных вещах» пленного.

Периодом максимально активного применения труда пленных были 1916–1917 гг. В соответствии с правилами допуска военнопленных к сельскохозяйственным работам на губернию выделялось не более 10 тыс. чел. Процесс распределения военнопленных для такого рода работ выглядел следующим образом. Желавшие получить военнопленных подавали заявки в земскую управу, которая передавала их губернатору. Заявки, получившие его положительное заключение, направлялись далее в созданную при Главном управлении Генерального штаба Особую межведомственную комиссию по распределению военнопленных (ГАСО 1: 19).

Партии военнопленных поступали в распоряжение уездных земских управ, которые должны были определять условия их труда и размер оплаты. При этом запрещалось привлекать пленных для изнурительных работ и работ, имеющих отношение к боевым действиям и направленных против их государств.

Распределяя военнопленных на работы, земства руководствовались приказом командующего Московским военным округом № 879-1916. В нем указывалось, что «смешение на работах в одной партии немцев и венгров со славянами и румынами воспрещается, так как пленным румынам придется переносить издевательства со стороны немцев» (ГАСО 6: 15).

Летом-осенью 1916 г. в Лебединском уезде находилось 2 612 военнопленных. Из них на сельскохозяйственных работах трудилось

1 878 пленных, в промышленности – 88, 36 чел. выполняли работы общественного назначения (ГАСО 6: 200).

Спрос на рабочие руки пленных в уезде вскоре превысил возможное предложение. Так, на 1917 г. потребность составляла не менее 5 тыс. чел. Особенно были заинтересованы в военнопленных частновладельческие хозяйства, т. к. их благополучие целиком базировалось на применении наемного труда. В сентябре 1916 г. в крупных частновладельческих хозяйствах работало 1 182 военнопленных (ГАСО 3: 178).

Граф А. Капнист в июле 1916 г. писал харьковскому губернатору: «Убедительно прошу исходатайствовать в распоряжение Лебединской земской управы тысячу пленных для уборки урожая семьям призванных. Неполучение теперь же пленных грозит серьезными последствиями» (ГАСО 2: 356).

Вероятно, его просьбу удовлетворили. Ему выделили 113 военнопленных, среди которых было 11 русинов. Работали они в Михайловском имении графа А. Капниста (ГАСО 5: 155 об.).

Однако трудом пленных пользовались и малоимущие собственники, временно утратившие в связи с мобилизацией трудоспособных членов семьи. В таких хозяйствах было задействовано 560 пленных (ГАСО 3: 178). Содержание пленного во время уборки урожая оплачивалось земством (ГАСО 1: 27). Некоторые крестьяне согласны были принять военнопленных только в том случае, если все расходы на их содержание оплачивали из казны. Среди документов архива встречаются просьба солдата о том, чтобы ему выдали военнопленного на тот случай, если его заберут в армию (ГАСО 6: 667), жалоба солдата об отказе его матери дать пленного для уборки урожая (ГАСО 1: 132–133).

Военнопленные направлялись на работу в различные организации: экономии, имения, сахарные заводы, кредитные общества, земские больницы, ветеринарные и фельдшерские пункты, почтовые станции, ремесленные училища, продовольственные комитеты и амбулатории (ГАСО 7: 9–10).

Многие трудились на сахарных заводах. В сентябре 1916 г. таких было 746 чел. (ГАСО 3: 178). Так, на Супруновском сахарном заводе работали 5 русинов-военнопленных (ГАСО 5: 152).

В списках военнопленных, состоявших на учете в Лебединском уезде, значились румыны, русины, чехи, мадьяры, поляки. Установить точное количество русинов нет возможности. Это связано с тем, что не во всех документах, где записаны имена и фамилии пленных, указывалась их национальность. Автору удалось идентифицировать фамилии и имена 58 русинов, находившихся в 1915–1917 гг. на территории Харьковской губернии. Из них 44 чел. пребывали в Ле-

бединском уезде и 14 работали на Павловском рафинадном заводе П.И. Харитоненка в г. Сумы (ГАСО 8). Вероятно, их было больше. Среди документов встречаются отчеты с указанием только количества работавших там пленных.

В 1916–1917 гг. военнопленные русины направлялись на работу в такие организации, как Супруновский свеклосахарный завод (5 чел.) (ГАСО 5: 152), Чупаховская экономия (6 чел.) (ГАСО 5: 163–164), Лебединское ремесленное училище (1 чел.) (ГАСО 5: 164а об.), Василевское имение и виноградный завод Г.А. Глазенапа (2 чел.) (ГАСО 5: 150–151), Михайловское имение графа А.В. Капниста (11 чел.) (ГАСО 5: 155–156 об.), Гринцовская экономия Н.А. Кононенка (8 чел.) (ГАСО 5: 165), мельница Товарищества Кононенко и Пивоваров в г. Лебедине (3 чел.) (ГАСО 5: 166), Лозовское имение (2 чел.) (ГАСО 5: 141–142об.), имение Е.В. Святогор-Штепина (1 чел.) (ГАСО 1: 412).

Анализ хранящихся в Государственном архиве Сумской области списков военнопленных показал, что пленные русины были подданными Австро-Венгерской империи, православного вероисповедания. Служили они в пехотных полках под номерами 7, 9, 10, 15, 17, 19, 22, 23, 24, 30, 32, 33, 34, 35, 37, 45, 55, 61, 67, 71, 77, 85.

По специальности преобладали чернорабочие. Был 1 плотник – Боташ Ион Федорович (ГАСО 5: 165), 1 кузнец – Здерко Михаил Якович (ГАСО 5: 150), 2 хлебопашца – Грицак Василий Васильевич и Томась Михаил Федорович (ГАСО 5: 141–141 об.).

Местное население было хорошего мнения о русинах. Об этом свидетельствует заявление от мещанина г. Белополье П.В. Федоренко в Лебединскую земскую управу от 20 июня 1916 г. с просьбой выписать для работы в имении «военнопленных из русинов» (ГАСО 2: 237).

Пленные трудились 26 дней в месяц (ГАСО 1: 46), получая за это месячную зарплату сначала 8 руб., с осени 1916 г. – 10 руб. Эта сумма делилась на две равные части. Первую военнопленный получал на руки, вторую отчисляли на его содержание, охрану и снабжение одеждой (ГАСО 4: 98). Работодатель должен был содержать и лечить пленных за свой счет. Предусматривались штрафы за плохую работу, запрещалось отлучаться с места работ без письменного согласия хозяина. Работодатель нес полную ответственность за поведение и охрану военнопленных, должен был обеспечить приемлемый уровень жизни пленных.

Имели место конфликты военнопленных с работодателями. Происходили они по вине обеих сторон. Часто работодатели, желая сэкономить, не выполняли указанных выше правил по снабжению пленных продовольствием и одеждой. Так, агроном Н. Тимченко-Рубан

докладывал земской управе: «Самой больной стороной отношений хозяев с военнопленными является то, что учет рабочих дней пленных ведется хозяином произвольно. В результате чего, судя по отчетам хозяев, у многих пленных указано не 26 рабочих дней в месяц, а значительно меньше. Некоторые пленные мне жаловались, что их обсчитали» (ГАСО 1: 350 об.). Власть пыталась бороться с этим, забирая военнопленных у недобросовестных работодателей. Так, у владельца Г.Т. Подоляк отобрали военнопленных за плохое содержание, поскольку «пленные имели 1 пару белья, рубахи старые, изорванные. Кормят их постным борщом с буряка без приправы, т. е. нет сала, масла, не вкусный. Хлеб хороший. Половину части заработной платы не получают» (ГАСО 1: 137–137 об.).

Иногда были виноваты сами военнопленные, поскольку самовольно оставляли работу, уклонялись или отказывались от нее. Бывали случаи правомерного отказа. Так, военнопленные, направленные в Лебединское земское ремесленное училище, отказались «работать на военные нужды враждебного государства» (ГАСО 1: 61), поскольку училище изготавливало повозки для армии, а это противоречило ст. VI Гаагской конвенции о военнопленных 1907 г.

Архивные документы свидетельствуют о случаях возвращения работодателями военнопленных, поскольку те «оказались не пригодными к сельскохозяйственным работам» (ГАСО 1: 328), имели «дурное поведение» (ГАСО 1: 6), «работают сколько и когда пожелают, часто притворяются больными, что на медосмотрах не подтверждается. И вообще вредно влияют на остальных сотоварищей» (ГАСО 1: 114).

Основными формами протеста пленных против условий содержания и эксплуатации их труда были отказы от работы и побеги. Военнопленные предъявляли претензии к хозяевам за плохое содержание и обращение. Довольно часто пленные отказывались работать, ссылаясь на недоброкачественную пищу. В протоколах расследования неповиновения военнопленных указывалось, что они хотели мясо, сало, молоко (ГАСО 2: 11). Нередко возникали конфликты по поводу «невыдачи белья и жалования», побоев без причин (ГАСО 6: 536–536 об.).

Полицейские пытались воздействовать на военнопленных, отказывавшихся работать. К ним применялся арест на 3–7 суток. Система охраны лагерей военнопленных не позволяла обеспечить достаточный уровень охраны, и, как следствие, во второй половине 1916–1917 г. возросло число побегов. Система поиска беглецов была четко отлажена, а документация достаточно однообразна. Первыми документами стали сообщение о побеге, ориентировка с приметами беглеца, сообщение о поимке и протокол допроса беглеца. Содержание

провинившихся пленных под стражей было относительно гуманным. Так, в рапорте начальнику Харьковской местной бригады читаем: «В Лебединском уезде были случаи, когда отказавшиеся от работы военнопленные за неимением свободных мест в арестантских камерах при полицейском управлении приговаривались к заключению под арест в подвале при земской управе. Все это сводилось к тому, что они сидели не в подвале, а около подвала во дворе или на улице. Им выдавалось "на хлеб и воду" 25 коп. в сутки. Им разрешалось ходить в лавочку и покупать "хлеб и воду". Собственные деньги у них не отбирались, так что чувствовали они себя здесь гораздо лучше, чем на работах. Эти военнопленные имели свидание с солдатками, которые выбирали себе военнопленных по вкусу. Потом эти военнопленные попадали в кредитные общества, а оттуда каждый уже знал, кто его возьмет» (ГАСО 3: 53).

Среди военнопленных, отказывавшихся работать, были и русины. Один из них – Василий Дьякив. В протоколе допроса указано, что он «нижний чин австрийской армии, русин, вероисповедания православного, 26 лет, в плену находится с декабря 1914 года».

В своем прошении приставу 2-го стана Лебединского уезда землевладелец Е.В. Святогор-Штепин просил наказать военнопленного русина Василя Дьякива за «неоднократно повторяющиеся грубости и упорство настоять на своем в разных случаях, что деморализующее действует на остальных, особенно новоприбывших». Согласно показаниям жены землевладельца Марии Святор-Штепин и приказчика Григория Козьмина, военнопленный В. Дьякив «дерзко обращался, не хотел идти на работу» (ГАСО 1: 412).

Сам обвиняемый дал такие показания на допросе: «В воскресенье, 8 мая, приказчик экономии Григорий Ефимович послал меня на работу, но я стал его просить, чтобы он заменил меня другим, так как я болен, а другие пленные свободны от работы, но он начал меня ругать и доложил об этом землевладелнице, которой я объяснил то же, что и приказчику, но последняя не приняла моего объяснения и препроводила меня в распоряжение пристава 2-го стана Лебединского уезда. От работ не отказываюсь, но просил бы о переводе меня в другую экономию или какое другое место, так как мне плохо жить ввиду неприязненного отношения со стороны служащих» (ГАСО 1: 412 об.).

Следует отметить, что, вероятно, Василий Дьяков был хорошим работником, о чем свидетельствует высказанное в прошении о наказании желание землевладельца Е.В. Святогор-Штепина вернуть его назад в имение после отбытия наказания.

Встречались случаи возврата военнопленных. Так, представители

Торгового дома «Кононенко и Пивоваров» в г. Лебедине просили уездную управу о «принятии 5 человек военнопленных нижних чинов австрийской армии, взятых для работы, так как они отказываются работать, заявляя себя больными». Трое из отказавшихся работать при мельнице были русинами – Дмитрий Козарук, Григорий Олексюк, Дмитрий Стефанчев (ГАСО 1: 179).

Причиной отказа от работ могла служить болезнь, в случае подтверждения ее во время освидетельствования у врача пленный освобожден от работы до выздоровления. Имели место и многочисленные случаи симуляции, влекшие за собой наказание – от непродолжительного ареста до отправки на общественные земляные работы.

В архивных документах встречается информация о сбежавших пленных русинах. Так, заведующий экономией Трофим Ткач 5 мая 1916 г. дал показания о побеге: «Военнопленный австрийской армии по национальности русин Петр Дывжевич находился на работах в Степной экономии с марта 1916 г. Получен он был из Лебединской земской управы вместе с другими военнопленными, с которыми вместе находился и на работах. При военнопленных состоит охранником крестьянин Лебединской волости Михаил Жук, который постоянно за ним наблюдал. Дывжевич спал в одном помещении с охранником Жуком. В ночь с 23 на 24 апреля Дывжевич скрылся неизвестно куда из помещения, где ночевал. Сейчас же были приняты меры к его поимке, но безрезультатно. Охранник Жук причин побега не знает. Дывжевич был хороший работник, никогда не заявлял никаких претензий, и не предъявлял никаких требований, и не внушал подозрений. Уходя, он никаких вещей не оставил, а также ничего не взял с собой, кроме того, что было на нем. Одет он был в простой пиджак рыжеватого-серого цвета, черные брюки из простой материи, простые высокие сапоги и черную суконную фуражку с лакированным козырьком. Приметы: 21 год, высокого роста, плотный, блондин, бороды нет, усы чуть-чуть пробиваются, лицо полное, румяное, глаза светлые, особых каких-нибудь примет не имеет. Денег у него не было, и нужно полагать, что убежал он совершенно без денег» (ГАСО 1: 381). Эту информацию подтвердил охранник М. Жук.

В этом же документе имеются и показания военнопленного австрийской армии Дмитрия Конищака: «19 лет, русин, православный, грамотный, не судился». «Прибыв в Степную экономию, Дивисевич начал жаловаться, что ему не нравятся условия экономической жизни, и говорил, что в экономии он жить не будет, а постарается попасть на работы к простому крестьянину. Конищак не придавал этим словам никакого значения, думал, что он шутит и отсюда не уйдет» (ГАСО 1: 381 об.).

Вероятно, сбежавшего Петра Дывжевича (Дивисевича) так и не нашли. В списке работавших военнопленных при Михайловском имении графа А. Капниста его имени нет, а дававший показания Дмитрий Конищак значится (ГАСО 5: 155–156 об.).

Важным аспектом плена было здоровье военнопленных. В случае болезни они размещались в городской больнице или военных лазаретах. Наиболее распространенными заболеваниями были ревматизм, туберкулез, воспаление почек, грыжа, малокровие, раны на ногах, бронхит. Встречаются и такие диагнозы, как болезни яичек, душевная болезнь (ГАСО 1: 344). Неизлечимо больных отправляли на родину.

Умерших военнопленных хоронили на городских кладбищах. В архиве сохранилась переписка губернских и земских властей за август 1918 г. по вопросу местонахождения могил умерших военнопленных в Лебединском уезде. Эта информация понадобилась императорскому и королевскому представительству Австро-Венгрии на Украине.

Интерес представляют «Сведения о могилах умерших военнопленных в Лебединском уезде» и отчет Лебединской уездной управы об умерших пленных, которые были отправлены в Центральное справочное бюро о военнопленных в Петербурге. В списке из 8 чел. указывалась следующая информация: «...имя, фамилия, каких частей войск; когда и где попал в плен; последнее место работы; когда умер; № могилы или имя и фамилия; в порядке ли могилы» (ГАСО 7: 28).

Автор изучила метрические книги церквей, находящиеся в тех населенных пунктах, где умерли и были похоронены пленные, и выявила, что среди умерших пленных был русин. В метрической книге Троицей церкви г. Лебедин есть запись такого содержания: 6 октября умер, а 8 октября был отпет и похоронен «военнопленный русин Антон Банаш», ему было 22 года, причина смерти – тиф. Сведений о причащении перед смертью нет. Обряд отпевания провел священник Александр Червонецкий. Похоронили умершего на приходском кладбище (ГАСО 9: 463 об.–464).

Лебединская земская управа не только занималась принуждением военнопленных к работам, но и стояла на страже их законных интересов. Международные законы предусматривали определенные нормы поведения властей по отношению к этой категории лиц. Австрийские и немецкие подданные имели возможность получать письма и посылки от родных. В документах архива встречаются обращения уездной управы к правлениям экономий такого содержания: «Уездная управа просит контору объявить находящемуся у вас на работах военнопленному Павлу Патлуц, что на его имя в управе получено 19 руб., за получением которых он должен явиться в самое непродолжительное время» (ГАСО 4: 136).

Плененным солдатам разрешалось еженедельно направлять одно письмо-открытку и ежемесячно два закрытых письма в конверте. Это было предусмотрено правилами корреспонденции Главным управлением Красного Креста. Все письма проверялись военными цензорами. Затем при помощи Красного Креста они направлялись в указанные страны, где подвергались повторной цензуре, на них ставили соответствующие штампы, а затем отправляли адресату. Военная цензура предупреждала уездные учреждения о том, что «огромное количество открытых писем военнопленных содержат междустрочный невидимый текст» (ГАСО 1: 208). Для этого использовали симпатические чернила (чаще всего молоко). Некоторые пленные старались писать в тех местах, где, по их мнению, цензор не будет проверять письмо (под марками, внутренняя сторона конверта).

Таким образом, характерной особенностью военного плена в годы Первой мировой войны было использование пленных в качестве рабочей силы. Привлечение их к работам в сельском хозяйстве и промышленности началось в 1915 г. и с каждым годом усиливалось. Правила использования труда военнопленных, основные требования к пленным, порядок надзора за ними были изложены в ряде документов. Согласно этим документам, пленным должен был быть обеспечен приемлемый уровень жизни. Однако в реальной жизни наиболее острыми в организации их жизнедеятельности и труда были вопросы нехватки обмундирования и питания. Имели место и конфликты военнопленных с нанимателями. Происходили они по вине обеих сторон. Следует отметить, что власти пытались объективно разбираться в различных ситуациях. Так, у недобросовестных нанимателей забирали военнопленных, а в отношении тех пленных, которые самовольно оставляли работу или предъявляли завышенные требования, принимали решительные меры.

Среди военнопленных были представители разных национальностей, в т. ч. и русины. Это подтверждается документами Государственного архива Сумской области. Гражданское население к ним относилось лояльно. Военнопленные имели возможность получить необходимую медицинскую помощь, вести переписку с родными. В случае смерти их хоронили с соблюдением православного обряда.

Таким образом, анализ архивных документов показал, что условия пребывания военнопленных в годы Первой мировой войны в Лебединском уезде Харьковской губернии были удовлетворительными, насколько это было возможно в условиях военного времени.

ЛИТЕРАТУРА

Безруков 2001 – *Безруков Д.А.* Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии 1914–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2001.

Валхар 1936 – *Валхар Ф., Форст Л.* Организация военнопленных в Симбирске // 1918 год на Родине Ленина. Куйбышев, 1936. С. 135–151.

Васильева 2014 – *Васильева С.Н.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014. 426 с.

ГАСО 1 – Государственный архив Сумской области (далее ГАСО). Ф. 251. Оп. 2. Д. 9. Отношение частных лиц и учреждений об использовании труда военнопленных. Списки военнопленных. 1916 г.

ГАСО 2 – ГАСО. Ф. 251. Оп. 2. Д. 11. Копия циркуляра Московского штаба военного округа. Заявления в земскую управу об использовании труда военнопленных. 1916 г.

ГАСО 3 – ГАСО. Ф. 251. Оп. 2. Д. 12. Копии циркуляров Харьковского губернатора, министра земледелия об использовании труда военнопленных на рудниках и в сельском хозяйстве. Списки военнопленных. 1916 г.

ГАСО 4 – ГАСО. Ф. 251. Оп. 2. Д. 13. Циркуляр Харьковского губернатора, прошения Лебединской городской управы об использовании труда военнопленных. 1916 г.

ГАСО 5 – ГАСО. Ф. 251. Оп. 2. Д. 15. Циркуляры, постановления Харьковского губернаторского продовольственного комитета о надзоре за военнопленными. Списки военнопленных австрийской и германской армии. 1916–1917 гг.

ГАСО 6 – ГАСО. Ф. 251. Оп. 2. Д. 16. Циркуляры, постановления Харьковского губернского по земским и городским делам присутствия и учреждений об использовании труда военнопленных. 1917 г.

ГАСО 7 – ГАСО. Ф. 251. Оп. 2. Д. 18. Сведения об нахождении могил военнопленных. 1918 г.

ГАСО 8 – ГАСО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 30. Именной список австрийских и германских военнопленных. 1915–1917 гг.

ГАСО 9 – ГАСО. Ф. 743. Оп. 1. Д. 257. Метрическая книга Троицкой церкви г. Лебедин. 1916 г.

Гергилева 2007 – *Гергилева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007. 123 с.

Дмитриева 2013 – *Дмитриева О.* Особенности пребывания чехов и словаков в российском плену в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // *European Researcher*. 2013. № 10–1. С. 2393–2403.

Еремин 2007 – *Еремин И.А.* Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // *Известия Томского политехнического университета*. 2007. Т. 310, № 1. С. 259–263.

Жданов 1920 – *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1920. Ч. I–III. 376 с.

Идрисова 2008 – *Идрисова Э.С.* Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008.

Иконникова 2004 – *Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004. 177 с.

Клеванский 1965 – *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус // Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России (1914–1922 гг.). М., 1965.

Колесников 2018 – *Колесников Б.В.* Положение военнопленных русинов и других словян в 1916 – 1917 гг. (по материалам Камышинского казенного питомника) // Русин. 2018. № 1 (51). С. 291–232. DOI: 10.17223/18572685/51/14

Крючков 2006 – *Крючков И.В.* Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2006. 144 с.

Нахтигаль 2010 – *Нахтигаль Р.* Дарницький табір військовополонених під час Першої світової війни // Український історичний журнал. 2010. № 2. С. 103–116.

Нахтигаль 2014 – *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 142–156.

Ниманов 2009 – *Ниманов Б.И.* Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

Ничков 2014 – *Ничков Е.А.* Военнопленные Первой мировой войны в Курганском уезде // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. 2014. № 5 (29). С. 84–90.

Остроухов 2011 – *Остроухов А.И.* Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

Самович 2008 – *Самович А.* Трудовое использование иностранных военнопленных в 1914–1918 годах на территории Беларуси // Беларуская думка. 2008. № 11. С. 36–41.

Самович 2013 – *Самович А.* Содержание писем из русского плена в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4. С. 160–163.

Саранча 2011 – *Саранча В.* Військовополонені Першої світової війни в Кременчуцькому гарнізоні // Краєзнавство. 2011. Ч. 4. С. 84–92.

Суляк 2006 – *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.

Суляк 2016 – *Суляк С.Г.* Русины в воспоминаниях участников Великой войны // Русин. 2016. № 2 (44). С. 73–92. DOI: 10.17223/18572685/44/6.

Суржикова 2012 – Суржикова Н.В. Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций: теории центра и практики периферии // *Sahiers du Monde russe*. 2012. № 53. С. 247–266.

Суржикова 2014 – Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 426 с.

Талапин 2005 – Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: Июль 1914 – май 1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.

Шнейдер 1935 – Шнейдер И. Революционное движение среди военнопленных в России в 1915–1919 гг. // *Борьба классов*. 1935. № 3. С. 54–61.

Lobko, Guzun, Vlasenko 2017 – Lobko N., Guzun V., Vlasenko V. Romanian prisoners of war Lebedin county of Kharkiv province during World War I // *Analele Universităţii din Craiova. Istorie. Anul XXII*. 2017. № 2 (32). P. 53–66.

REFERENCES

Bezrukov, D.A. (2001) *Sistema upravleniya voennoplennymi i ispol'zovanie ikh truda v Novgorodskoy gubernii 1914–1918 gg.* [Management system for prisoners of war and the use of their labour in Novgorod Province in 1914–1918]. History Cand. Diss. Veliky Novgorod.

Valkhar, F. & Forst, L. (1936) *Organizatsiya voennoplennykh v Simbirske* [Organization of prisoners of war in Simbirsk]. In: Chistov, B. (ed.) *1918 god na Rodine Lenina* [1918 in Lenin's homeland]. Kuybyshev: Kuybyshev izdatelstvo. pp. 135–151.

Vasilieva, S.N. (2014) *Voennyi plen v rossiyskoy provintsii (1914–1922 gg.)* [Military captivity in the Russian provinces (1914–1922)]. Moscow: ROSSPEN.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1916) *Otnoshenie chastnykh lits i uchrezhdeniy ob ispol'zovanii truda voennoplennykh. Spiski voennoplennykh. 1916 g.* [Attitudes of individuals and institutions to the use of war prisoners' labour. Lists of war prisoners]. Fund 251. List 2. File 9.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1916) *Kopiya tsirkulyara Moskovskogo shtaba voennogo okruga. Zayavleniya v zemskuyu upravu ob ispol'zovanii truda voennoplennykh. 1916 g.* [Copy of the circular of the Moscow Military District Headquarters. Applications to the county council on the use of prisoners of war's labour. 1916]. Fund 251. List 2. File 11.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1916) *Kopii tsirkulyarov Khar'kovskogo gubernatora, ministra zemledeliya ob ispol'zovanii truda voennoplennykh na rudnikakh i v sel'skom khozyaystve. Spiski voennoplennykh* [Copies of circulars of the Kharkov governor, Minister of Agriculture on the use of labour of prisoners of war in mines and in agriculture. Lists of prisoners of war]. Fund 251. List 2. File 12.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1916) *Tsirkulyar Khar'kovskogo gubernatora, prosheniya Lebedinskoy gorodskoy upravy ob ispol'zovanii truda voennoplennykh. 1916 g.* [The circular of the Kharkov Governor, the petition of the Lebedinskaya Town Council about the use of the labour of prisoners of war. 1916]. Fund 251. List 2. File 13.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1916–1917) *Tsirkulyary, postanovleniya Khar'kovskogo gubernatorskogo prodovol'stvennogo komiteta o nadzore za voennoplennymi. Spiski voennoplennykh avstriyskoy i germanskoy armii. 1916–1917 gg.* [Circulars, resolutions of the Kharkiv Governor's Food Committee on the supervision of prisoners of war. Lists of prisoners of war of the Austrian and German army. 1916–1917]. Fund 251. List 2. File 15.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1917) *Tsirkulyary, postanovleniya Khar'kovskogo gubernatskogo po zemskim i gorodskim delam prisutstviya i uchrezhdeniy ob ispol'zovanii truda voennoplennykh. 1917 g.* [Circulars, resolutions of the Kharkov Governorate on land and city affairs of presence and institutions on the use of prisoners of war's labour. 1917]. Fund 251. List 2. File 16.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1918) *Svedeniya ob nakhozhdenii mogil voennoplennykh. 1918 g.* [Information on finding the graves of prisoners of war]. Fund 251. List 2. File 18.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1915–1917) *Imennoy spisok avstriyskikh i germanskikh voennoplennykh. 1915–1917 gg.* [Name list of Austrian and German prisoners of war]. Fund 1045. List 1. File 30.

The State Archive of Sumy region (GASO). *Metricheskaya kniga Troitskoy tserkvi g. Lebedin. 1916 g.* [The metric book of the Trinity Church of Lebedin]. Fund 743. List 1. File 257.

Gergileva, A.I. (2007) *Voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny na territorii Sibiri* [Prisoners of World War I in Siberia]. Krasnoyarsk: [s.n.].

Dmitrieva, O. (2013) Czechs and Slovaks in Russian Captivity during World War I (1914–1918). *European Researcher*. 10-1. pp. 2393–2403 (In Russian).

Eremin, I.A. (2007) *Voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny v Zapadnoy Sibiri* [Prisoners of World War I in West Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 310 (1). pp. 259–263.

Zhdanov, N. (1920) *Russkie voennoplennyye v mirovoy voyne 1914–1918 gg.* [Russian prisoners of war 1914–1918]. Moscow: [s.n.].

Ildrisova, E.S. (2008) *Inostrannyye voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny na Yuzhnom Urale v 1914–1922 gg.* [Foreign prisoners of World War I in the South Ural in 1914–1922]. History Cand. Diss. Orenburg.

Ikonnikova, T.Ya. (2004) *Voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1918 gg.)* [Prisoners of World War I in the Far East of Russia (1914–1918)]. Khabarovsk: UPP VOS.

Klevansky, A.Kh. (1965) *Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodanny kor-*

pus: Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossii (1914–1922 gg.) [Czechoslovak internationalists and sold corps: Czechoslovak political organizations and military formations in Russia (1914–1922)]. Moscow: Nauka.

Kolesnikov, B.V. (2018) The situation of Rusin and other Slavic prisoners of war in 1916–1917 (a case study of Kamyshin State Forest Nursery). *Rusin*. 1. pp. 291–232 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/51/14

Kryuchkov, I.V. (2006) *Voennoplennyye Avstro-Vengrii, Germanii i Osmanskoj imperii na territorii Stavropol'skoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Prisoners of war from Austria-Hungary, Germany, and Ottoman Empire in Stavropol Province during World War I]. Stavropol: [s.n.].

Lobko, N., Guzun, V. & Vlasenko, V. (2017) Romanian prisoners of war in Lebedin county of Kharkiv Province during World War I. *Analele Universităţii din Craiova. Istorie*. 2 (32). pp. 53–66.

Nakhtigal, R. (2010) Darnits'kiy tabir viys'kovopolonenikh pid chas Pershoi svitovoï viyni [Darnytsky POW camp during the First World War]. *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal – Ukrainian History Journal*. 2. pp. 103–116.

Nakhtigal, R. (2014) Prisoners of War in Russia during World War I. *Quaestio Rossica*. 1. pp. 142–156 (In Russian).

Nimanov, B.I. (2009) *Osobennosti i osnovnye faktory soderzhaniya i khozyaystvennoy deyatel'nosti voennoplennykh v 1914–1917 godakh v Povolzh'e* [Specificity and principal factors of maintenance and economical activity of prisoners of war in Volga River basin in 1914–1917]. History Cand. Diss. Moscow.

Nichkov, E.A. (2014) Captives of the First World War in the Kurgan District. *Vestnik Volgogradskogo gos. universiteta. Ser. 4 – Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 5 (29). pp. 84–90 (In Russian).

Ostroukhov, A.I. (2011) *Voennoplennyye chekhi i slovaki v Rossii perioda Pervoy mirovoy voyny* [Czech and Slovakian prisoners of war in Russia during the First World War]. History Cand. Diss. Moscow.

Samovich, A. (2008) Trudovoe ispol'zovanie inostrannykh voennoplennykh v 1914–1918 godakh na territorii Belarusi [Content of letters from Russian captivity during World War I]. *Belaruskaya dumka*. 11. pp. 36–41.

Samovich, A. (2013) Soderzhanie pisem iz russkogo plena v gody Pervoy mirovoy voyny [Content of letters from Russian captivity during World War I]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 4. pp. 160–163.

Sarancha, V. (2011) Viys'kovopoloneni Pershoi svitovoï viyni v Kremenchuts'komu garnizoni [Prisoners of the First World War in the Kremenchug Garrison]. *Kraeznavstvo*. 4. pp. 84–92.

Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i russkoy smuty [Rusins during WWI and the Russian Troubles]. *Rusin*. 1 (3). pp. 46–65.

Sulyak, S.G. (2016) Rusins in the memoirs of the participants of the Great war. *Rusin*. 2 (44). pp. 73–92 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/44/6

Surzhiikova, N.V. (2012) Rossiyskiy plen 1914–1917 gg. kak prostranstvo politiko-ideologicheskikh manipulyatsiy: teorii tsentra i praktiki periferii [Russian captivity of 1914–1917 as a space of political and ideological manipulations: The theory of centre and practice of periphery]. *Cahiers du Monde russe*. 53. pp. 247–266.

Surzhiikova, N.V. (2014) *Voennyi plen v rossiyskoy provintsii (1914–1922 gg.)* [Military captives in the Russian province (1914–1922)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

Talapin, A.N. (1918) *Voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny na territorii Zapadnoy Sibiri: Iyul' 1914 – may 1918 gg.* [Prisoners of World War I in West Siberia: July 1914 – May 1918]. History Cand. Diss. Omsk.

Sneider, I. (1935) *Revolutsionnoe dvizhenie sredi voennoplennykh v Rossii v 1915–1919 gg.* [Revolutionary movement among prisoners of war in Russia in 1915–1919]. *Bor'ba klassov*. 3. pp. 54–61.

Приложение

**Список военнопленных русинов, пребывавших в Лебединском уезде
в 1916–1918 гг.**

Фамилия, имя, отчество военнопленного	Место службы (№ пехотного полка)	Специальность
Михайловское имение графа А. Капниста		
Илиясь Патер Мойсеевич	37	чернорабочий
Шмингельский Иван	10	чернорабочий
Буранич Стефан	33	чернорабочий
Мощканюк Василий	55	чернорабочий
Конищак Дмитрий	55	чернорабочий
Пребела Прокофий	55	чернорабочий
Ткачук Василий	17	чернорабочий
Матийчук Михаил	17	чернорабочий
Богатирец Илий	17	чернорабочий
Мельник Николай	9	чернорабочий
Барковский Михаил	22	чернорабочий
Дывжевич (Дивисевич) Петр	20	чернорабочий
При заводах и имениях Супруновского свеклосахарного завода		
Сончак Алексей Иванович	24	чернорабочий
Дремуша Михаил Петрович	85	чернорабочий
Мази Василий Николаевич	35	чернорабочий
Одинак Василий Терентьевич	35	чернорабочий

Бойчук Иван Васильевич	15	чернорабочий
Гринцевское имение Н. Кононенко		
Дуцу Эфта Алисимович	61	чернорабочий
Пирже Владислав Ильич	67	чернорабочий
Пржебань Иову Янисевич	23	чернорабочий
Блайкон Мойсе Дмитриевич	23	чернорабочий
Шише Петр Николаевич	24	чернорабочий
Бадьо Ион Ионович	17	чернорабочий
Милош Николай Семенович	7	чернорабочий
Боташ Ион Федорович	33	плотник
При мельнице Товарищества Кононенко и Пивоварова, г. Лебедин		
Ребечук Дионисий Иосифович	19	чернорабочий
Бенке Николай Георгиевич	67	чернорабочий
Урсан Александр Петрович	32	чернорабочий
Козарук Дмитрий		чернорабочий
Олексюк Григорий		чернорабочий
Стефанчев Дмитрий		чернорабочий
Лебединское ремесленное училище		
Шкалубана Теодор Михайлович	45	
Чухаховская экономия		
Букаино Петр Иванович	77	чернорабочий
Роек Василий Дмитриевич	9	чернорабочий
Лушак Якоб Андреевич	30	чернорабочий
Камарницкий Антон Иванович	34	чернорабочий
Марью Николай Григорьевич	9	чернорабочий
Коняк Иван Михайлович	35	чернорабочий
Васильевское имение генерал-лейтенанта Г. Глазенапа		
Здерко Михаил Якович	не солдат	кузнец
Гренюк Николай Михайлович	12 Венгерский	работник
Лозовское имение		
Грицак Василий Васильевич	9	хлебопашец
Томась Михаил Федорович	24	хлебопашец
Имение Е.В. Святогор-Штепина		
Дьякив Василий		
Банаш Антон	Похоронен на приходском кладбище Троицкой церкви. Лебедина	

Источники: ГАСО. Ф. 251. Оп. 2. Д. 9. Л. 412 об., 179; Ф. 251. Оп. 2. Д. 15; Ф. 743. Оп. 1. Д. 257. Л. 463 об.-464.

Лобко Наталия Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумского государственного университета (Украина).

Nataliia V. Lobko – Sumy State University (Ukraine).

E-mail: Lobko@ukr.net